

Сегодня - 1994 - 16 дек. - с. 9

Сергей Фомин

Д

ва с лишним месяца назад вы были избраны президентом Академии Российского телевидения. На пресс-конференции, посвященной ее созданию, прозвучали слова о том, что «уровень нынешнего телевидения вызывает крайнюю озабоченность»...

— Я готов подписаться под этими словами. Что меня беспокоит в сегодняшнем телевидении? Коммерциализация. К сожалению, это всегда связано с падением «планки» качества. Я это вижу в Соединенных Штатах, где телевидение технически делается великолепно, но где погоня за рейтингом, а рейтинг определяет стоимость рекламы, является главным. Важно, чтобы программу посмотрели как можно больше людей, а поскольку большая масса имеет неизбежно более низкий художественный и образовательный уровень, то и весь уровень телевидения снижается. Нет попытки «поднять» зрителя. Не потому что этого не хотят, а потому что пока будут понимать, кто-то опустит и получит большее количество зрителей. Я теперь почти с изумлением вспоминаю начало 1970-х годов, когда по ЦТ показывали «Сагу о Форсайтах». У меня тогда не было машины, я был скромный рядовой журналист, ездил на метро и на трамвае и помню, что каждое утро люди в транспорте только и говорили, что о показанной вечером очередной серии. Спорили, насколько тот или иной актер соответствует своему персонажу, а я страшно гордился тем, что целый народ читал «Сагу о Форсайтах», да мало того, что читал, еще и переживал по поводу этой книги. Сегодня «Сагу о Форсайтах» никто смотреть не будет. Мне это внушает тревогу. Советскую власть можно ругать за многое, но общий уровень образования был резко поднят. И были такие ценности, как, например, книга. И недаром передача «Что? Где? Когда?» вручала книги в качестве призов, это было просто поразительно. Теперь вручаются деньги, и большие. И мне бы хотелось, чтобы академия, присуждая ежегодные призы по разным категориям телепередач, «выставляла» этот самый уровень, как бы говоря: «Уважаемые зрители, вот что такое хорошее ток-шоу, вот что такое хорошие новости, вот что такое хорошая драматургия, вот что такое хороший ведущий». Конечно, одного этого будет недостаточно, но, мне

— У академии есть семь учреждений. Каждый предложил список людей, которые, по их мнению, должны были стать членами академии. Эти списки были отаны аудитором и «мягким» голосованием появились фамилии этих двенадцати человек. А потом уже они избрали президента и вице-президента.

— Пресса отнеслась к созданию академии довольно скептически, как бы иронизируя, что, мол, только академиков от телевидения нам не хватало. Но когда вслед за этим Ельцин завел разговор о возможном слиянии двух государственных каналов, и большая часть журналистской общественности тоже восприняла эту новость с недоумением, оказалось, что недостает структуры, которая могла бы объединить и выразить мнение работников телевидения, когда происходит подобные случаи. Не сможет ли академия выполнять и эту задачу?

— Я полагаю, что для того, чтобы «структура», как вы выразились, имела вес, она должна зарабатывать некоторый авторитет. Сейчас «академия» — только название, и лишь кое-кто знает, что за ним скрываются двенадцать фамилий, среди которых есть люди, для кого-то уважаемые, для кого-то не очень. Академия должна набрать свой авторитет какими-то выступлениями, очень взвешенными, очень хорошо продуманными, не впадая, по возможности, в политические страсти, а придерживаясь максимально объективной и, скажем так, справедливой точки зрения. По мере того, если это случится, как академия будет становиться заметным явлением в мире телевидения, она сможет играть и ту роль, о которой говорили вы.

— В одной из ваших программ промелькнула фраза о том, что в Америке сотня каналов, но среди них очень много похожих. Не грозит ли это и нам?

— Грозит. Но, надо сказать, ни в одной стране мира нет ста каналов телевидения в том виде, в каком мы его представляем. Когда мы говорим о ста каналах в Америке, то это и те каналы, по которым можно заказывать товары, и очень специализированные, скажем, языковые или киноканалы. Я не думаю, что мы когда-нибудь пойдем по этому пути. Скорее всего мы будем придерживаться европейского представления о телевидении. Похожесть же будет, особенно на кабельном телевидении. Но это не страшно, потому что, когда люди чему-нибудь перестают смотреть тот или иной телеканал, он исчезает.

что туда смог бы прийти человек, уже имеющий какой-то образовательный набор, идущий в журналистику с определенным опытом. Это «разработано» и во Франции, и в Англии, и в США. Там не поступают на факультеты журналистики со школьной скамьи, это считается нонсенсом.

— Но, может быть, следует создавать эти школы при телевидении, например, при государственном?

— Есть у нас институт повышения квалификации, но это же фуфло. По сути дела все эти институты никого не произвели на свет. Покажите мне журналиста, который появился бы или в газете, или на экране после того, как закончил институт повышения квалификации. И вообще, что это значит — повышать квалификацию?

— Допустим, что какая-то уже есть и достаточно высокая, но требует еще и «дальнейшего повышения»...

— Вот именно. Это просто способ увеличения бюрократического аппарата, получения денег, площадей, выделки новых диссертаций. Журналист же вырабатывается только в практике работы. И многие лучшие наши журналисты вообще не кончали никаких журналистских вузов, особенно журналисты моего поколения, такие, как Александр Бовин, Владимир Молчанов и другие.

— Вы продолжаете работать в США. Все так же с Филом Донахью?

— Да, вместе с ним мы делаем передачу, которая выходит два раза в неделю. И называется «Познер и Донахью». Мы сидим в студии, у нас присутствует гость, режиссер — два, иногда мы связываемся с ними по спутнику, нам в студию звонят по телефону, присылают факсы. Мы рассматриваем «горящие» вопросы. Скажем, две последние передачи были связаны с Всемирным днем СПИДа и с боснийскими проблемами. И даже, собственно, не с Боснией, а с тем, что происходит

Сыны эфира

раньше, чем здесь, потому что здесь меня не пускали на телевидение. Я начал выступать и потому, что больше никто тогда не хотел этого делать. Это было опасно в те годы — выступать по телевидению за границей. Но меня никто никогда не вызывал в ЦК, мне никто не давал никакой информации, не инструктировал, как и что говорить. Если я все делал хорошо, все могли друг друга поздравлять. А если б я провалился, сказали бы: «Мы тут ни при чем, это все этот идиот, который ничего не понимает». Я ходил по лезвию ножа и несколько раз был близок к серьезному срыву. Но я был все-таки один-единственный, и меня в Америке узнали. Потом уже были телесты с Филом Донахью, потом я стал выездным и поехал в Штаты выступать в его передаче, потом у меня там вышла книга и стала бестселлером. И там меня уже рассматривают просто как человека, которого знают, авторитетного и рассуждающего не так, как рассуждают они. Я ведь смотрю на их проблемы с точки зрения «человека извне». И говорю им: «Что это вы все время повторяете: «У нас в Америке, у нас в Америке...» А вы знаете, как в Швеции, как в Норвегии? Почему все: «Мы да мы»? Вы что — пуп Земли?» Это их интересует, определенную часть, конечно, тут не надо обольщаться.

— Год три назад вы рассказали в телепередаче о том, как стали «человеком без паспорта». С тех пор эту историю пересказывают как анекдот, она стала легендой и покрывалась «последними наслонениями». Не могли бы вы рассказать, как все происходило на самом деле?

— Я родился во Франции. Согласно французским законам, принятым еще в посленаполеоновские времена, любой ребенок мужского пола, родившийся во Франции от матери или отца, француз по национальности, автоматически и на всю жизнь становится французским гражданином, должен служить во французской армии и т. д. В СССР я со своей биографией был, естественно, невыездным. Но в 1968 году я предпринял попытку поехать во Францию. Только что закончилась война в Алжире, я там, конечно же, не воевал, хотя по возрасту должен был. И, если б появился во Франции, меня должны были посадить как дезертира. Поэтому я решил попробовать отказаться от французского гражданства. Французы мне сказали, что я должен для этого собрать определенные документы: о том, что я служил в армии в СССР, о том что я здесь женат и т. д. Я все собрал довольно быстро, но среди прочего должен был быть документ о том, что я являюсь гражданином СССР. Ну это, я думаю, вообще не вопрос. Обратился в консульское управление МИДа СССР, и тогдашний начальник отдела, милейший человек, сказал: «Владимир Владимирович, это не проблема, такую бумагу мы подготовим и пришлем вам». Прошло пять дней, неделя, десять дней — бумаги нет и нет. И когда я ему позвонил, он ответил: «Знаете, такой бумаги мы вам не дадим». — «Почему же?» — «Строго говоря, вы не советский гражданин». — «Как же так? А кто же я?» — «Вы ведь получили паспорт, когда были в Германии?» — «Да». — «Ваш отец — советский гражданин, но вы ведь тогда были записаны не в его паспорте?» — «Да, у матери». — «А ваша мать — французка, и до 16 лет вы были записаны в ее паспорте как француз. Когда вы пришли в наше консульство в Берлине, то наш сотрудник дал вам советский паспорт по неопытности. Вы должны были написать заявление, и мы должны были его рассмотреть. Но ни вы, ни мы этого не сделали. Это ошибка». — «Тогда, значит, я не член партии?» — «Строго говоря — нет». — «И я не женат, не разведен, и мой ребенок — не мой ребенок?» — «Строго говоря — да». — «И я, конечно, не лейтенант запаса?» — «Конечно, нет». — «Как же мне теперь быть?» — «Вам надо написать «прошение» на имя Верховного Совета о принятии вас в советское гражданство». — «А мне могут отказать?» — «Теоретически — могут». — «А я не хочу писать». — «Ну и не пишите, ничего не изменится, но бумагу, что вы — гражданин СССР мы вам дать не сможем». — «А вы можете дать бумагу, что я не являюсь советским гражданином?» — «Пожалуйста». И я ее получил, в пяти экземплярах. Я ее храню, в ней сказано, что я не являюсь гражданином СССР и должен привести свое положение с чем-то там в соответствие. И сейчас я не являюсь ничьим гражданином. Во всяком случае, я не гражданин России, потому что не был гражданином СССР и не «унаследовал», я не французский гражданин, я, естественно, не американский гражданин. Так что я — никто. Я — поручик Кижее...

Меня никто никогда не вызывал в ЦК, мне никто не давал никакой информации, не инструктировал, как и что говорить. Если я все делал хорошо, все могли друг друга поздравлять. А если б я провалился, сказали бы: «Мы тут ни при чем, это все этот идиот, который ничего не понимает»

Владимир Познер: Я был все-таки один, единственный...

кажется: здесь академия сможет сыграть позитивную роль.

— А кроме присуждения призов у академии будут еще какие-нибудь функции?

— Будут. Хотя я должен сказать, что пока академия собиралась только один раз и то безрезультатно, потому что не было кворума. Все члены академии — активно работающие на телевидении люди, у которых время расписано на много недель вперед. И это, конечно, затрудняет наше общение. Есть сложные вопросы, например, что будет, если на премию выдвинут одну из наших передач — Листьева или, скажем, мою. Каким образом мы должны будем голосовать? Каким образом соблюсти здесь объективность? Совершенно непонятно. Есть опыт других академий, кстати, их в мире очень мало. Есть такое, когда все люди, работающие в данной индустрии, являются членами академии, участвуя в голосовании. Но актеры при этом голосуют только за актеров, режиссеры — только за режиссеров и т. д. Это более объективно, но в этом участвуют несколько тысяч человек. Мы пока не можем так функционировать. Фактически мы сейчас должны определить азы нашего существования. Я считаю, что самая главная задача сегодня — именно призы, определение процедуры премирования. Академия может сыграть и определенную роль в создании школы телевидения. Школы мастерства — не вуза, причем платной, иначе это невозможно будет сделать, школы, в которую будут поступать уже профессионально работающие люди, и мастера будут там работать со своими коллегами. И, скажем, если в течение года появятся 30–40 высоких профессионалов, это скажется на общем состоянии телевидения очень быстро.

— Как определился состав «бесмертных»?

— На пресс-конференции прозвучали слова о «бессилии кафедры тележурналистики МГУ». Вы предлагаете альтернативную систему подготовки телевизионных кадров?

— Что имеется в виду, когда говорят о подготовке тележурналиста? Если об обучении операторской работе — безусловно, если о работе режиссера — тоже. Кстати, мы очень страдаем в этом плане, потому что настоящих телевизионных режиссеров у нас крайне мало. Это, как правило, неудавшиеся театральные режиссеры или режиссеры кино, что, вообще-то говоря, не лучшая характеристика. Есть целый ряд других телевизионных профессий, которые очень способствуют производству, но которых у нас просто нет. А вот что касается самого телевизионного журналиста, то это вопрос очень и очень непростой. Мне кажется, что журналист, это все-таки человек с определенным жизненным опытом, который выбрал эту профессию не просто потому, что она ему кажется престижной, а потому, что у него есть определенная черта характера — либо доискиваться правды, либо делиться своими мнениями. Этому нельзя научить, потому что вообще нельзя научить таланту. И я думаю, что учить можно лишь на практике. Меня как-то приглашали на встречу журналисты с периферии, и я им в течении сорока минут рассказывал, как я понимаю «ток-шоу». Им было интересно, но вряд ли они смогут непосредственно воспользоваться этими сведениями. Нужна практика: что и как делается. К сожалению, кафедра тележурналистики, насколько я знаю, этим не очень занимается. Должны возникать новые школы журналистики, и, наверное, лучше, если эти школы будут как бы на уровне аспирантуры. Не в том смысле, что там надо будет защищать диссертации, а в том смысле,

там, возможно, доказывает: НАТО в своем нынешнем виде — бесполезная организация. Социальные, политические темы — то, что мне ближе всего.

— Эту программу покажут по нашему ТВ, как было в позапрошлом году на РТР?

— Нет. Во-первых, скажут, что «слишком много Познера». Во-вторых, эти передачи ориентированы на американского зрителя. Когда мы это делали и для Российского телевидения, то в конечном счете Олег Попцов сказал, что дальше их показывать не будут именно потому, что они сделаны слишком по-американски. Есть и третий момент. Я все-таки работаю на первый канал — «Новую студию» и «Облик» — и для Российского телевидения работать не могу, это исключено.

— Почему американцам интересно ваше участие в их программах? Может быть, это норма их телевидения — участие иностранцев?

— Нет, я единственный иностранец, который регулярно выступает по американскому телеэкрану со своей передачей. Это сложилось исторически: я впервые появился на американском телеэкране, когда работал еще на Иновещании, в редакции США и Канады. Меня здесь никто не знал, но одна американская журналистка, разговаривая со своими хозяевами, сказала: «Почему бы для обсуждения советских проблем не иметь советского журналиста?» И я был приглашен для участия в очень популярной передаче «Найт лайн», выходящей в 23.30. По-английски я говорю без акцента, не похож на карикатурных советских функционеров, которые рисовались там в газетах, и — обратил на себя внимание. Меня стали приглашать в эту передачу, а затем и в другие. Я стал достаточно известным человеком в Америке. Собственно, я оказался известной там личностью